

Глоссарий*

Карл Шмитт

Предисловие редактора

Карл Шмитт почти всю жизнь вел дневники. Они различались по характеру записей и даже по способу, каким он фиксировал события своей жизни, размышления и оценки. Иногда это были краткие бытовые сообщения, иногда — глубокомысленные подробные рассуждения. Но почти всегда он, столь заботящийся о сохранении архива и трясущийся над рукописями, использовал особый способ письма, так называемую «габельсбергскую стенографию». Этот способ стенографирования теперь практически неизвестен, его секретом владеет, сколько известно, лишь один глубокий старец, способный разобрать почерк Шмитта и помогающий расшифровывать рукописи его дневников, выходящие ныне отдельными объемистыми томами. В этом ряду дневниковых записей особое место занимает «Глоссарий», о посмертной публикации которого Шмитт, видимо, думал всерьез. «Глоссарий» он создавал в 1947–1958 гг., начав работу над ним после возвращения из Нюрнберга, где находился под следствием. Карьера его была разрушена, как оказалось, навсегда, времени было много, переосмыслить предстояло многое. Содержательно ценными, как считают публикаторы, являются по преимуществу записи 1947–1951 гг. Они легко вычлняются. На первых десяти страницах — не поддающаяся расшифровке стенограмма, затем — сделанная рукой самого Шмитта пометка красным карандашом «Читаемое начинается со страницы 10, 28.8.1947», после чего идет уже не стенографическая запись, но обычная скоропись, правда, готическим шрифтом в такой форме, которая нынче уже совершенно вышла из употребления. В 1952–1958 гг. записи становятся очень скупыми и большая часть дневников — вырезки из газет, снабженные опять-таки нечитаемым стенографическим комментарием.

В 1991 г. Эберхард барон фон Медем выпустил «Глоссарий», то есть именно его самую интересную и ценную часть в издательстве Duncker & Humblot. Книга имела большой резонанс и стала незаменимым источником для всех, кому интересен Шмитт. Правда, издание трудно назвать удачным. В него вложен большой труд, и все-таки оно далеко от стандартов научной публикации. В нем есть досадные опечатки, аппарат слабый и составлен не очень аккуратно. Но другого «Глоссария» все равно нет.

Перевод на русский язык столь большого сочинения был бы делом почти неподъемным, если бы не то обстоятельство, что сам характер дневника дает нам некоторую свободу. Мы можем, оставляя полноценное издание для будущих поколений ученых,

* Перевод с немецкого Юрия Коринца. Перевод сделан по: *Schmitt C. Glossarium. Aufzeichnungen der Jahre 1947–1951* / Hrsgg. v. Eberhard Frhr. v. Medhem. Berlin: Duncker & Humblot, 1991. S. 3–5.

© Коринец Ю., 2010.

© Филиппов А., 2010.

© Центр фундаментальной социологии, 2010.

дать некоторое представление о характере и стиле Шмитта, не связывая себя необходимостью представить на суд публики весь труд целиком. Начиная с этого номера «Социологического обозрения», мы будем публиковать разные по величине подборки не всегда строго примыкающих одна к другой записей Шмитта, которые представляют, как нам кажется, исторический, а также теоретический интерес.

Александр Филиппов

Глоссарий. Книга 1

Ключевые слова. Интеллектуалы, война, суверенитет, государство, враг.

28.8.47

Благородная простота и тихое величие¹; да, тишина! Тишайшая тишина в стране! Пиетистская гуманистическая тишина. Я спрашиваю себя: тишина по отношению к кому? Тишина становится полемическим понятием относительно барочного шума. Это и есть самое конкретное в этой тишине и благородной простоте. Руссо как археолог; пробуждение радостных чувств при раскопках Греции.

Чем же было это мнимое *trahison des clercs*² ³? Такое *trahison* есть, *clercs* преданы постыдным образом, хуже, чем югославский король Петр; они преданы деньгам и массе, и когда они стали искать защиты у государства (это было простительным заблуждением, заблуждением, которое доказывало то, что они еще обладали историческим знанием), и когда они искали единственно убежища, тогда их попрекнули этим как *trahison*. Отвратительные обманщики, разрушители убежища; но Бог изменяет смысл лжи в устах самого лжеца и придает ей истинный смысл: *trahison des clercs* может означать и предательство по отношению к интеллектуалам; родительный падеж «*des clercs*» может быть *genitivus objectivus*, и тогда он схватывает суть: разрушение *auctoritas spiritualis*⁴ душами, пресмыкающимися перед Князем мира сего.

Речь Enrico Corradini, Флоренция, 8 февраля 1925 г.; *Représentant le fachisme comme la révolution de l'Etat (sic!) contre la prédominance des intérêts privés*⁵. Итак, это *Sallust contra pecuniam*⁶, ищущий убежища у Цезаря, дева у торговца девушками, бедные *clercs*; государство, к которому бежал Коррадини, желало быть цезаристской империей. Классицизм оказался бесплатной добавкой.

¹ Формула И. И. Винкельмана (1717–1768), характеристика эллинского искусства. — Прим. перев.

² Предательство интеллектуалов (фр.). Название знаменитой книги Жюльена Бенда. См.: Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М.: ИРИСЭН, 2009. — Прим. ред.

³ Ср.: Benda J. La trahison des Clercs. Paris, 1926.

⁴ Духовного авторитета (лат.). — Прим. ред.

⁵ Представляя фашизм как революцию государства (так!) против преобладания частных интересов (фр.). Энрико Коррадини (1865–1931) — итальянский националистический публицист, близкий к фашистам. — Прим. ред.

⁶ Саллюстий против денег (лат.). Саллюстий — римский историк и политический деятель. В «Послании к Цезарю» он призывает бороться с корыстолюбием, «уничтожить вес денег». — Прим. ред.

Государство = суверенитет = решение (Dezision) = окончание гражданской войны внутри только и возникающего благодаря этому государства. Означает ли мировое господство также окончание гражданской войны? Нет, но это комбинация международно-правовой войны и гражданской войны. Тацит Hist. 1, 2: *bellum externum et civilia permixtum*⁷.

Отто Бруннер (Land und Herrschaft 1939, S. 170): На территории средневековой Европы не было суверенных властей, и они были невозможны. В великой борьбе за инвеституру церковь соединилась с локальными властями и создала таким образом «ситуацию, когда короли и князья между церковью и локальными властями не могли занимать самостоятельную суверенную позицию». Между духом и почвой нет [места] суверенитету! Или даже так: рядом с политической духовностью нет суверенитета. Единство, полное отчаяния, единство отчаяния, этот чисто децизионистский суверенитет. Единство лишь в случае крайней необходимости и в исключительном случае.

Бруннер говорит (ссылаясь на К. Н. Ganahl, Studien zur Geschichte des kirchlichen Verfassungsrechts im 10. und 11. Jahrhundert, 1935, S. 7), «что проблема [соперничества в вопросе] суверенитета между государством и церковью, во всяком случае, не могла быть поставлена прежде борьбы за инвеституру». Ни император, ни князь, ни Папа не были действительно суверенны. «Но до тех пор пока не было суверенных властей, не могло осуществиться и разделение идеи права и позитивного права» (S. 170).

(Итак, отсутствие политической духовности — суверенитет — позитивная легальность: ср. Ламеннэ, выше, S. 5: Мы живем все еще до 1848 года!!)

Пополудни: сильно задет статьей Вилли Хааза (Willy Haas), опубликованной в мае 1932 года в «Literarische Welt» под заголовком «Новое политическое учение». Он именует меня нигилистом, определение друга-врага называет скрытой и самой скверной нейтрализацией, выеденным яйцом, поскольку-де оно абстрагируется от единственной конкретной причины вражды, а именно от современной материальной причины, от классовой вражды, направленной против буржуа, этим оно нейтрализуется и само является в высшей степени политическим. При этом он неверно представляет врага как нечто такое, что «можно уничтожить в истребительной войне». Удивительно. Поскольку я остерегаюсь отождествить себя с его враждой, враждой марксистской гражданской войны, он объявляет врагом меня и мою теорию. Чудесное подтверждение. Каждый признает мою правоту, если я признаю его правым с его конкретным различением друга и врага. Если бы я сказал: врагом является еврей, нацисты признали бы мою правоту; если бы я сказал: врагом является нацист, мою правоту признали бы другие и так далее. Но это еще относительно честные люди. Самые худшие — те, что отрицают, будто у них вообще есть вражда, и на этом основании удостоверяют свою вражду. О многом еще можно сказать: докторская диссертация эсэсовца Леммеля против меня: понятие «раса» оккупировали деревенские дворянжки, а враги их оставили им его, и т.д.

⁷ Война внешняя смешалась с войнами гражданскими (лат.). Шмитт не совсем точно цитирует «Историю» Тацита, который пишет: «...Trina bella civilia, plura externa ac plerumque permixta...», то есть «три гражданские войны, ряд внешних и много таких, что были одновременно и гражданскими, и внешними». — Прим. ред.

Сейчас меня тронуло начало Истории Тацита. Неужели это только лишь риторика, как говорил мне Ортега? Не ситуативное ли это тождество, то есть экзистенциальное участие, *participatio*⁸ в той же самой первоситуации, сердцевине нашего эона?

[Участие в] *ère actiaque*⁹, как ее именует Прудон, первоисток нашего эона? Каждое слово этой главы Тацита исчерпывающе актуально: *magna ingenia cessere*¹⁰; *opus adgredior opimum casibus*¹¹, *atrox proeliis, discors seditionibus, ipsa etiam pace saevum*. Да, *ipsa etiam pace saevum, bella civilia et externa plerumque permixta*¹². Соединение внешней войны и гражданской войны — это не риторика, но познанная и высказанная ужасающая действительность, неразличимость войны и мира.

⁸ Участие (лат.). — Прим. ред.

⁹ Античной эре (фр.). — Прим. ред.

¹⁰ Великие таланты перевелись (лат.). — Прим. ред.

¹¹ Я приступаю к рассказу о временах, исполненных несчастий, изобилующих жестокими битвами, смутами и распрями, о временах, диких и неистовых даже в мирную пору (лат.). Перевод Г. С. Кнабе, ред. М. Е. Грабарь-Пассек по изданию: Тацит. Анналы. История. Малые произведения. Т. 2. М.: Ладомир, 2003.

¹² Да, даже в мирную пору войны внешние и гражданские, и множество таких, чтобы были одновременно гражданскими и внешними (лат.). — Прим. ред.